

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-228-244

Траектория и ключевые факторы трансформационного процесса в Латинской Америке

Наиля Магитовна ЯКОВЛЕВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр политических исследований

Институт Латинской Америки РАН, 115035, ул. Б. Ордынка, д. 21/16, Москва, Российская Федерация

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1707-6901

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований

Институт Латинской Америки РАН, 115035, ул. Б. Ордынка, д. 21/16, Москва, Российская Федерация;

профессор

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997,

Стремянный пер., д. 36, Москва, Российская Федерация

E-mail: pertp.yakovlev@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0751-8278

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (2019) Траектория и ключевые факторы трансформационного процесса в Латинской Америке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 228–244. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-228-244

Статья поступила в редакцию 22.08.2019.

АННОТАЦИЯ. В статье прослеживается траектория и выявляются ключевые факторы общественных трансформаций в Латинской Америке. Проведен анализ основных политических и социально-экономических процессов, протекавших в регионе в XX–XXI вв. Определены исторически сложившиеся модели роста, показаны условия, при которых они становились тормозом на пути развития и модернизации. Структура работы отражает поставленные задачи: рассмотрена эволюция роли государства в политике и экономике стран региона, отражены этапы не-

олиберальных реформ, указаны причины возникновения трех популистских волн, выделены особенности современного периода. Авторы установили, что трансформационный процесс в Латинской Америке носит лабильный, крайне неустойчивый характер. Государственно-центричные (популистские) и рыночные (неолиберальные) модели модернизации сменяли друг друга в логике «отрицания отрицания», с жесткой регулятельностью курс на строительство открытой экономики уступал место политике дирижизма и наоборот. Отсюда вывод – реформаторские циклы не-

долговечны, их вытесняют преобразования с иным политико-идеологическим содержанием. В настоящее время траектория общественных трансформаций подошла к новому рубежу: в регионе накопился значительный потенциал перемен, но он носит противоречивый характер, отражает различные векторы движения. Адекватная оценка исторического опыта модернизации крайне важна в нынешних сложных условиях. Третье десятилетие XXI в. может стать переломным в социально-экономическом развитии Латинской Америки. В случае реализации оптимистического сценария в эти годы будут очерчены контуры будущего места региона в мировой хозяйственной и политической системе, повысится его роль в глобальных делах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Латинская Америка, траектория развития, модели модернизации, «потерянное десятилетие», глобализация, неолиберальные реформы, кризисные явления, популизм, новая стратегия роста

В последней четверти XX в. Латинская Америка оказалась перед необходимостью трансформации исторически сложившегося политического и социально-экономического уклада. Императивами изменений послужили охвативший все сферы международной жизни процесс глобализации, а также диалектика внутреннего развития латиноамериканских стран, которая «подталкивала» их к поискам выхода из лабиринта отсталости на путь системной модернизации.

Ключевой задачей стала корректировка господствующей роли государства – доминирования государствоцентричной парадигмы развития, во многом себя исчерпавшей, и поиск альтернативных моделей роста. Начатая перестройка хозяйственного уклада, ос-

лабившая роль государства в экономике, сравнительно быстро привела к глубоким изменениям на рыночных принципах, однако социально-экономический коллапс начала XXI в. прервал неолиберальный эксперимент [Kuczynski, Williamson 2003]. Ему на смену вернулась дирижистская модель, прошедшая испытание новым кризисом в середине второго десятилетия текущего столетия. Таким образом за относительно короткий период регион дважды резко менял стратегию развития, пересматривал роль государства в хозяйственной жизни, но каждый раз вслед за определенными улучшениями неминуемо следовал экономический провал.

Пережитый трансформационный опыт наложил отпечаток на экономику и социальную сферу латиноамериканских стран, привел к структурным хозяйственным сдвигам, пусть и носившим ограниченный характер и в целом не изменившим места региона в мировом разделении труда. Одновременно происходила беспрецедентная активизация внутривнутриполитической жизни: в политику входили новые лидеры, модернизировались элиты, укреплялись институты гражданского общества, аморфные массы становились заинтересованными акторами трансформационных процессов. И наконец, нельзя не учитывать международный фактор – формирование многополярного миропорядка, способствовавшего глубоким переменам на региональном пространстве и обеспечившего беспрецедентную для Латинской Америки диверсификацию внешних связей.

Совокупность перечисленных трендов поставила на повестку дня переконфигуровку традиционной латиноамериканской матрицы, ассоциировавшейся с периферийностью и отсталостью, выдвижение новой модели устойчивого инклюзивного роста с учетом накопленного исторического опыта и

неоднозначных уроков прошлого. В этом – основная сюжетная канва событий, происходящих в регионе, и главный вызов, стоящий сегодня перед Латинской Америкой.

Эволюция государстоцентричной матрицы

Рассматривая историческую траекторию Латинской Америки после обретения политической самостоятельности в первой трети XIX в., можно отметить характерную для большинства стран специфику общественного развития¹. Речь идет о доминантной роли государства в процессе определения направлений и реализации экономических и социально-политических трансформаций. Дирижизм в XX в. был присущ и другим регионам, но в отличие, например, от Европы, где государственное вмешательство реализовывалось главным образом в социальной сфере (в русле создания «государства всеобщего благоденствия»), в Латинской Америке сложилась «государстоцентричная матрица» [Cavarozzi 1996]. Автор этого термина известный аргентинский ученый Марсело Кавароцци считает, что матрица выкристаллизовалась в своем классическом виде в середине XX в. и ее отличительной чертой стало всепроникающее участие государства в жизни латиноамериканского общества. Иными словами, государство заняло «место гегемона» в общественном пространстве.

Утверждению восходящего «государстоцентричного» тренда способствовали регулярные структурные кризисы, в условиях которых государство акцентировало свою роль главного субъекта решения образовавшихся проблем. Например, мировая экономическая рецессия 1929–1933 гг. обнажила многие негативные тенденции, развивавшиеся в недрах латиноамериканских стран. Выход был найден в реализации программ, направленных на усиление вмешательства государства в хозяйственную жизнь, в том числе: расширение мер госрегулирования, возведение протекционистских барьеров, укрепление госсектора в экономике. Во многих странах это происходило в форме негласных договоренностей между политической властью и влиятельными местными предпринимателями, союзами промышленников, аграриев, профсоюзами, причем почти все смогли извлечь определенные бенефиции из этого симбиоза. Показательным примером таких договоренностей было «инфляционное соглашение» в Аргентине, функционировавшее в течение нескольких десятилетий [Яковлев 2017, с. 263–265]. Этот механизм, как представляется, стал платформой для последующего возникновения «кумовского капитализма» (crony capitalism) [Rogers 2016].

Подобное «ручное управление» общественными процессами не могло реализовываться без долгосрочных экономических и политических последствий. Трансформации, происходившие в прошлом столетии и связанные с

1 Латиноамериканский регион в географическом и политическом смыслах включает в себя страны Южной и Центральной Америки, Карибского бассейна и Мексику – в Северной Америке. Это 33 независимых государства, часто несопоставимые по размеру территорий, численности народонаселения, экономическому потенциалу и многим другим показателям. Поэтому, пытаясь обобщить богатый и неоднозначный опыт развития такого крупного региона за длительный исторический период, авторы старались выявить общие закономерности и разработать целостную концепцию трансформационного процесса, применимую к региону в целом, отдавая себе отчет в том, что в формате статьи невозможно уделить внимание всем странам и рассмотреть все национальные кейсы, и сконцентрировав внимание на наиболее важных примерах.

утверждением государствоцентричной матрицы, привели к перекройке политического ландшафта, вызвали к жизни новую парадигму взаимоотношений государства и общества. Суть ее состояла в том, что латиноамериканский капитализм нуждался не только в покровительстве государства, но и в персонафицированном гаранте негласных элитных договоренностей и правил (крайне живучих *неформальных институтов*), в сильном авторитарном руководителе.

Можно с уверенностью утверждать, что именно центральная роль государства в политике и экономике способствовала появлению латиноамериканского *популизма первой волны* (так называемого классического популизма). «Популизм, – писал российский историк А.И. Строганов, – унаследовал многие черты, свойственные каудильизму XIX в., но в социальном отношении стал сложнее» [Строганов 2002, с. 138].

Социальной базой популизма первой волны являлись массовые националистические движения, аморфные в социальном и политическом плане, признающие власть харизматичного каудильо, вождя, национального лидера, олицетворявшего собой в их восприятии «сильную личность», способную решать проблемы страны. Известный ученый Карлос Маламуд в фундаментальном исследовании феномена латиноамериканского популизма объясняет широкую поддержку популистских лидеров тем, что «практически все надежды латиноамериканских народов достичь социальной справедливости сосредотачивались на фигурах каудильо – спасителей, которые могли принести мир и процветание, покон-

чить по мановению волшебной палочки со всеми бедами и конфликтами» [Malamud 2010, p. 101].

В XX и XXI вв. центральной фигурой, представлявшей государство, становится президент (в большинстве латиноамериканских стран существует президентская форма правления). Исторически сложившийся стереотип восприятия фигуры лидера как «спасителя нации» латиноамериканцы экстраполировали на глав государств. Этой особенностью мировоззрения жителей региона умело пользовались яркие представители первого поколения президентов-популистов – Ласаро Карденас, Жетулиу Варгас и Хуан Доминго Перон².

Социально-экономическая и политическая деятельность популистских режимов привела к значимым изменениям в латиноамериканских странах. Во-первых, кардинально повысилась роль государства не только в экономике, но и в других сферах общественной жизни. Во-вторых, реальные ограничения были наложены на иностранные компании, во многих случаях их активы национализировались. В-третьих, ощутило улучшение материальное положение основной части работающих по найму, возросла их социальная защищенность. В-четвертых, главной опорой власти стали массовые партии, превращенные в сердцевину политической системы. В-пятых, была создана сеть вертикально интегрированных институтов гражданского общества, формально независимых, но фактически находившихся под строгим государственным контролем [Яковлев (1) 2015].

Таким образом, в период 1930–1970-х гг. в странах Латинской

2 Ласаро Карденас дель Рио (1895–1970) – генерал, президент Мексики в 1934–1940 гг.; Жетулиу Дорнелис Варгас (1882–1954) – политик, президент Бразилии в 1930–1945 и в 1950–1954 гг.; Хуан Доминго Перон (1885–1974) – генерал, президент Аргентины в 1946–1955 и в 1973–1974 гг.

Америки на базе государствоцентричной матрицы сформировалась дирижистская модель управления, которая в сочетании с сильной исполнительной властью явилась базой для появления авторитарных режимов, в ряде случаев – в облике военных хунт.

Однако уже к середине 1970-х гг. эта модель исчерпала свой ресурс, вошла в противоречие с эпохой индустриализации (затем – постиндустриализации) и урбанизации, оказалась неспособной решать актуальные задачи общественного развития. Выход из кризиса, в силу конкретных социально-политических условий, был осуществлен авторитарными диктатурами, взявшими на вооружение неолиберальный вариант хозяйственной модернизации. Латинская Америка стала первым регионом развивающегося мира, где монетаристские концепции «чикагской школы» Милтона Фридмана и Арнольда Харбергера получили широкое применение в макроэкономической политике [Cavarozzi 2009]. В частности, мировую известностьнискали чилийские «чикагские мальчики» (Chicago boys) – группа экономистов, осуществивших рыночные преобразования в годы диктатуры Пиночета.

Результаты неолиберальных модернизаций

В последней трети прошлого столетия Латинская Америка пережила два периода неолиберальных реформ – в 70-е и 90-е гг. XX в. На первом этапе стратегия неолиберальной модернизации, помимо Чили, наиболее полно осуществлялась в Бразилии и Аргентине. Диктаторские режимы этих стран³ проводили новый экономический курс,

сопровождавшийся значительными внутриполитическими издержками, вплоть до репрессий. Например, начальный этап реформ в Бразилии привел к осязательным хозяйственным успехам. Подъем производства был обеспечен значительным притоком иностранного капитала (в виде прямых инвестиций, а также кредитов и займов международных банков), сокращением реальных расходов на оплату труда и повышением нормы прибыли [Окунева 1992]. Пример Бразилии оказался разительным для авторитарных режимов других государств Южного конуса – Аргентины, Боливии, Уругвая. Здесь модернизация экономики проводилась в жестких формах и с большими социальными издержками. Сравнительно мягкий вариант неолиберального реформирования был реализован в странах с конституционными режимами, таких как Мексика, Колумбия, Коста-Рика.

В 1980-е гг. четко проявилась уязвимость латиноамериканских моделей модернизации, в той или иной мере основанных на принципах неолиберализма. Острейшей проблемой стал стремительно возросший внешний долг, обслуживание которого фактически обескровило финансы государств региона. В подавляющем большинстве стран экономический рост либо сильно замедлился, либо прекратился, что дало повод назвать эти годы «потерянным десятилетием» [Яковлев 2010, с. 78–109]. Массовое недовольство социально-экономическими и политическими последствиями деятельности авторитарных режимов вкупе с надвигавшейся с европейского континента «четвертой волны демократизации» привели к возникновению в ведущих странах региона процесса демократи-

3 Военные диктатуры в Чили (1973–1990 гг.), в Бразилии (1964–1985 гг.), в Аргентине (1976–1983 гг.).

ческого транзита, в результате которого сформировались новые или обновились существовавшие институты власти, оживилась деятельность политических партий, появилась свободная пресса, окрепла оппозиция, активизировалось гражданское общество [Чумакова 2009].

Эти трансформации привели к изменению политического ландшафта, однако, как показали дальнейшие события, новые условия были недостаточными для последовательной консолидации демократического уклада. Оказались живучими старые, привычные практики (уже упомянутые *неформальные институты*): клиентелизм, разобщенность элит и общества, электоральные манипуляции, коррупция, насилие, организованная преступность. Корневая причина эрозии неокрепших региональных демократий состояла в том, что позитивные политические трансформации не приводили к улучшению экономического положения, не меняли периферийное место латиноамериканских стран в мировой палитре. Вплоть до 1990-х гг. им не удавалось решить ни финансовые, ни социальные проблемы, не был найден ключ к стимулированию хозяйственного роста.

В этих условиях произошла перезагрузка неолиберальных идей, международное влияние которых в условиях глобализации многократно возросло. Ведущие страны региона встали на путь рыночных реформ, приняли на вооружение принципы «Вашингтонского консенсуса» и провели радикальную либерализацию национальных экономик [Давыдов 2003]. На этот раз неолиберальные реформы в Латинской Америке особенно интенсивно проводились в Аргентине, Перу и Венесуэле

политиками-популистами *второй волны* (или неолиберальными популистами) – Карлосом Менемом, Альберто Фухимори, Карлосом Андресом Пересом⁴ [Armony 2005].

Неолиберальная стратегия «второго поколения» в основных чертах стала итерацией, повторением политики, проводившейся авторитарными режимами. В большинстве стран региона было дезактивировано вмешательство государства в экономику, либерализованы финансы и торговля, открыты возможности для деятельности иностранного капитала, расширены внешние заимствования, местные предприниматели вышли на глобальные торговые рынки.

Первоначальный результат реформистской деятельности в 1990-е гг., как правило, был положительным, но затем либо начиналось торможение развития, либо реформы заканчивались глубокими провалами, сопровождались негативными социальными эффектами: массовой безработицей, ростом имущественного расслоения, фактическим исключением широких масс из системы распределения национального богатства. Именно эти факторы станут в следующем столетии базовой предпосылкой появления в регионе популистских режимов разной идеологической окраски.

Финансовый кризис в Мексике (конец 1994 г.) стал первым звеном в цепи региональных социально-экономических и политических потрясений. «Неолиберальная передозировка» и «шоковая терапия», как их называли, но главное – критическое увеличение зависимости от внешних источников финансирования обернулись тяжелым испытанием для крупнейших экономик –

4 Карлос Сауль Менем – президент Аргентины (1989–1999), Альберто Фухимори – президент Перу (1990–2000), Карлос Андрес Перес Родригес – президент Венесуэлы (1974–1979 и 1989–1993).

бразильской и аргентинской. Негативную роль сыграли азиатский и российский кризисы 1997–1998 гг., усугубившие проблемы латиноамериканских стран на мировых рынках. Особенно сильно пострадала аргентинская экономика, служившая «витриной успехов неолиберальных реформ» [Яковлев 2010, с. 110–131]. Аргентинский кризис завершил второй этап неолиберальных реформ и стал точкой отсчета нового политического и экономического времени в регионе, в очередной раз связанного с пересмотром роли государства.

Третья волна популизма и реинкарнация дирижизма

Трансформационные процессы в Латинской Америке, связанные с проблемами преодоления негативных последствий рыночных реформ 1990-х гг., в своем политическом измерении выразились в выходе на сцену группы популистских лидеров *третьей волны* [Gratius 2007] – Уго Чавеса (Венесуэла), Эво Моралеса (Боливия), Висенте Фокса (Мексика), Рафаэля Корреа (Эквадор), Нестора Киршнера (Аргентина), Даниэля Ортеги (Никарагуа). Если этот список дополнить именами Луиса Инасиу Лулы да Силва и Дилмы Руссефф (Бразилия), Мануэля Селайи (Гондурас), Фернандо Луго (Парагвай), Альваро Урибе (Колумбия), избранных в разные годы на президентский пост, то можно с полным основанием говорить о наступлении *третьей популистской эры (волны)* в политической жизни региона [El Nuevo Populismo 2017].

В большинстве своем это были политики, подчеркивавшие приверженность левой идее, поэтому их почти одновременный приход к власти получил наименование «левый поворот», или «новый левый популизм». Таким образом, в первом десятилетии XXI столе-

тия в ряде латиноамериканских стран были установлены режимы, которые определялись исследователями как *левые* или *левоцентристские*, что, по их мнению, было следствием сбоев в функционировании неолиберальной модели и оживления протестных движений в регионе [Malamud 2010, p. 147].

Следует отметить, что активизация альтернативных неолиберализму движений стала возможной в условиях утвердившейся электоральной демократии. В атмосфере гражданских свобод различные сегменты латиноамериканского общества получили возможность выхода на авансцену национальной политики и артикуляции своих насущных интересов. Эти настроения новые лидеры – популисты третьей волны уловили на восстановительной (после кризисных потрясений) фазе трансформационного цикла. Большинство из них декларативно нацеливалось на создание социально ориентированного капиталистического общества, в ряде стран, прежде всего в Венесуэле, было объявлено о начале строительства «социализма XXI века». На деле же (как оказалось) происходил процесс формирования уже до боли знакомого «капитализма для друзей», или «кумовского капитализма».

В любом варианте выбранный стратегический вектор предусматривал безусловное повышение роли государства в экономике, усиление авторитета государственной власти во всех сферах общественной жизни, укрепление модели государственно-частного партнерства с активной поддержкой аффилированного с правящим режимом национального предпринимательства (с помощью низких тарифов на транспорт и коммунальные услуги, финансовых субсидий, кредитов и налоговых льгот). В ряде случаев модель «кумовского капитализма» включала в себя курс (не всегда успешный) на диверсификацию эконо-

мики, укрепление финансово-экономической суверенности, ослабление зависимости от традиционных очагов давления – местных и международных монополистических групп [Сударев 2007; Valenzuela 2009]. В социальной сфере широко рекламировалось принятие мер по снижению уровня бедности, повышению реальных доходов, сокращению неприемлемого разрыва в доходах между различными группами населения, укоренению практики субсидирования малоимущих слоев. Все это обеспечивало расширение социальной базы популистских режимов.

Политический контекст в Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Бразилии, Аргентине, Никарагуа при всех различиях имел сходные черты и характеризовался усилением влияния исполнительной власти в ущерб законодательной и судебной ветвям; беспрецедентной концентрацией властных полномочий центра и ограничением федерализма; сжатием автономии институтов гражданского общества; подчинением государству средств массовой информации; широким использованием националистической пропаганды и популистских лозунгов [Яковлева (1) 2018, с. 177–179]. Упоминавшийся выше К. Маламуд акцентировал внимание на действиях популистских властей по «минимизации активности и значимости оппозиции, а также на проведении ими клиентелистской политики и практики покупки лояльности» [Malamud 2010, p. 145].

На деле произошло выстраивание суперпрезидентских режимов с элементами электоральной демократии, когда при формальном сохранении демократического строя со всеми его главными атрибутами происходило значительное укрепление позиций президента и подвластной ему партии. Не претендуя в данной работе на глубинное исследование феномена латиноамериканского популизма, все же заметим, что весьма

точным представляется предложенный профессорами Мадридского автономного университета Сюзанной Гратиус и Анхелем Риверой критерий классификации современных популистских режимов не в рамках дихотомии «левый – правый» [Nunez Castellano 2017; Ивановский (2) 2019], а по степени их приверженности демократическим нормам [Gratius, Rivero 2018].

Вместе с тем нельзя не отметить, что в российской науке комплекс проблем, связанных с популизмом, как явлением, органично присутствующим в латиноамериканском контексте в силу исторических традиций и цивилизационных особенностей, остается пока малоизученным и ждет детального и всестороннего анализа [Яковлева 2016].

Характерный момент – сопровождавшие третью популистскую волну очередные геополитические сдвиги, новая перегруппировка позиций стран региона на мировой арене. В этой сфере наблюдалась не просто активизация международных связей, а расширение диапазона и смена приоритетов в системах внешних контактов, интенсификация региональных интеграционных усилий, стремление участвовать в процессе формирования механизмов глобального регулирования (в частности, через «Группу двадцати», куда вошли Аргентина, Бразилия и Мексика) [Яковлев (2) 2015]. При всей положительной коннотации внешнеполитических трансформаций нельзя не отметить идеологическую или псевдоидеологическую заостренность популистских режимов при выборе контрагентов, а также акцентированную антилиберальную и антиимпериалистическую риторику латиноамериканских лидеров на международных форумах, нередко выходившую за рамки принятого дипломатического лексикона [Яковлева 2011].

Приход эпохи так называемого «нового левого популизма», ставшего на

время доминантной чертой политической жизни региона, обозначил возвращение в общественное пространство государства, вновь претендующего на роль главного агента социальной трансформации. Для этой модели развития характерна инверсия по отношению к классической парадигме, в рамках которой роль центрального структурообразующего фактора, мотора развития играют экономика и экономические отношения, а точнее – частное предпринимательство в самом широком смысле слова.

При этом показательно, что даже правящие круги Венесуэлы и других стран, провозгласившие своей целью построение «социализма XXI века», не встали на позиции тотального ревизионизма в отношении капиталистической системы, а использовали ее механизмы с максимальной выгодой для себя и своего окружения. Закономерным итогом деятельности большинства авторитарных популистских правительств стал разгул коррупции, принявшей эндемический характер [Ugaz 2018].

Особенности современного трансформационного процесса

Под политическим зонтиком популизма странам региона в период 2003–2013 гг. («золотое десятилетие») удалось добиться существенных результатов в хозяйственном развитии: увеличить объемы ВВП и внешнеторгового оборота, нарастить промышленное производство, укрепить финансовое положение, сократив долговую нагрузку на экономику, снизить безработицу и инфляцию. Экономическому рывку способствовала выгодная внешняя конъюнктура, в первую очередь высокие цены на товары традиционного экспорта – сырье, энергоносители и продовольствие. С одной стороны, сырьевой

суперцикл – резкое повышение мировых цен на торгуемые природные ресурсы – обеспечил приток в Латинскую Америку дополнительных финансовых средств, способствовал поддержанию темпов роста. С другой стороны, за десятилетие с 2003 по 2013 г. в ВВП стран региона снизилась доля экспорта, что указывает на наличие внутренних факторов, обеспечивших ускорение экономического развития [Яковлев (3) 2015].

Речь идет о значительном расширении местного рынка, происходившем за счет господдержки в виде крупных государственных инвестиций, финансовых субсидий отдельным отраслям и малоимущим гражданам. Расходы на «социалку» в структуре ВВП выросли за первое десятилетие XXI в. на семь процентных пунктов (с 12,5% в конце 1990-х гг. до 19,2% в 2010–2011 гг.), до 60 млн чел. покинули зону бедности [Alcaide 2014, p. 7]. Благодаря беспрецедентному числу программ социальной поддержки многие семьи впервые получили доступ к образованию, медицинской помощи, было улучшено материальное обеспечение пенсионеров и жителей отдаленных районов, малоимущих граждан.

Однако возможности дальнейшего поступательного социально-экономического развития, не опиравшегося на технологические и инновационные достижения, сначала оказались ограниченными глобальным кризисом конца первого десятилетия XXI в., а к середине 2010-х гг. латиноамериканские государства практически полностью выработали потенциал модернизации в популистской парадигме и вновь оказались перед необходимостью корректировки модели роста.

Торможение экономики отчетливо дало о себе знать в 2014–2015 гг., когда резко замедлился прирост регионального ВВП и заметно ухудшились другие макроэкономические показате-

ли: стали расти потребительские цены (всплеск инфляции), сократились инвестиции в основной капитал, увеличился внешний долг, упал экспорт, возрос бюджетный дефицит [CEPAL 2015, p. 67]. *Эффектом глобальной неожиданности* можно назвать изменившиеся внешние обстоятельства. Международные условия экономического развития латиноамериканских стран в течение короткого времени резко развернулись в неблагоприятную сторону: замедлился глобальный рост («новая нормальность»), экономика США перешла в стадию «вялого развития», Европа пережила долговой кризис и рецессию, а Япония – стагнацию. С определенными трудностями столкнулся Китай. В итоге на глобальных рынках снизился спрос и упали цены на сырье и продовольствие, в мировой торговле образовался застой, сократились возможности международного финансирования. Тем самым негативные внешние факторы обострили внутренние кризисные процессы в Латинской Америке [Яковлев 2016].

Один из ключевых факторов перебоев в функционировании латиноамериканской экономики – сохраняющееся в регионе огромное (по некоторым оценкам, самое большое в мире) имущественное неравенство, ставшее барьером на пути дальнейшего роста. К такому выводу пришли эксперты Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) и авторитетного международного благотворительного объединения «Oxfam International», проанализировавшие социальные тренды последнего времени. По их подсчетам, в 2002–2015 гг. состояния латиноамериканских мультимиллионеров в среднем

за год возрастали на 21%, что шестикратно превышало рост ВВП. При сохранении похожей динамики на рубеже 2020 г. активы 1% местных богачей превысят совокупное состояние остальных 99% населения. По мнению указанных специалистов, немалую роль в увеличении разрыва в доходах между относительно небольшой группой сверхбогатых людей и остальными жителями стран Латинской Америки играет архаичная и дисфункциональная фискальная система, позволяющая владельцам крупных компаний или легко уходить от уплаты налогов, или сводить их до минимума. Только за один 2014 г. потери бюджетов государств региона от подобной практики составили порядка 190 млрд долл. [América Latina 2016].

С таким социально-экономическим багажом латиноамериканские страны вплотную подошли к электоральному циклу 2015–2019 гг.⁵, в ходе которого выявились новые тренды в региональной политике. Первой «ласточкой», возвестившей об откате третьей популистской волны, стала победа на президентских выборах предпринимателей Маурисио Макри (Аргентина), Педро Пабло Кучинского (Перу), Себастьяна Пиньеры (Чили), возглавлявших оппозиционные силы. В числе государств, частично или полностью отказавшихся от продолжения популистской политики, также фигурировали Эквадор и Бразилия.

Важные политические сдвиги произошли в крупнейших странах региона – Мексике и Бразилии, где на президентских выборах 2018 г. победу одержали несистемные деятели различной идеологической окраски. В Мексике главой государства был избран Андрес Мануэль Лопес Обрадор, выдвинутый коа-

5 В указанные годы президентские выборы в странах региона проводились двадцать раз, из них четырнадцать пришлось на период с конца 2017 г. по 2019 г., в связи с чем он получил название электорального суперцикла [Яковлева (2) 2018].

лиций левых сил, поставившей целью, как минимум, затормозить рыночные реформы, начатые предыдущим правительством. В свою очередь в Бразилии после импичмента Дилмы Руссефф (август 2016 г.) и неполного президентского срока Мишела Темера (до 1 января 2019 г.) к власти пришел бывший военный, сторонник неолиберальной политики Жаир Болсонару.

Вместе с тем руководители стран «Боливарианского альянса» (Венесуэлы, Боливии и Никарагуа), несмотря на нарастающие хозяйственные трудности, сохраняли верность прежнему курсу. В Венесуэле ситуация приобрела драматический характер. Из-за некомпетентных действий преемника У. Чавеса Николаса Мадуро эта потенциально богатая страна с самыми крупными в мире запасами нефти стала архетипом неэффективного и коррупционного расходования экспортных сверхдоходов. Кроме того, она отличилась беспрецедентно низким уровнем минимальной зарплаты (последнее место в регионе) и опередила все прочие страны региона по индексу насильственных убийств и степени социальной поляризации [Ивановский (1) 2019, с. 32–37].

Факты свидетельствуют, что в Латинской Америке (сложно сказать, на какой срок) были одновременно «запущены» несколько параллельных процессов общественных изменений: вялотекущий государствоцентричный (главные выразители – Боливия и Венесуэла); рыночный с претензией на динамичность (Бразилия, Колумбия, Чили, в известной степени Аргентина); сравнительно медленный, умеренно националистический, сочетающий рыночные механизмы с усиливающейся ролью государства (Мексика).

Электоральный суперцикл смешал политические карты. В итоге складывается весьма пестрая картина, предвещающая наступление нового трансфор-

мационного этапа, главной характеристикой которого становится внутренняя противоречивость, разнонаправленность осуществляемых преобразований. Латинская Америка превращается в регион «разных скоростей», конкурирующих стратегических установок и во многом противоположных векторов развития. Все это может акцентировать неустойчивость политического положения, усилить неопределенность экономических перспектив, осложнить внутрирегиональное сотрудничество и затруднить выход из состояния общественного недомогания.

Очередной виток спирали или новое качество трансформаций?

Отмеченный оригинальной спецификой и сложной траекторией латиноамериканский трансформационный кейс позволяет сформулировать ряд обобщений. Прежде всего, корни современных процессов, происходящих в странах региона, следует искать в исторических традициях, сложившихся правилах и укладах – *неформальных институтах*, которые сыграли двоякую роль в общественных трансформациях. С одной стороны, они определили социально-экономическое и политическое своеобразие региона, его особый путь и уникальное место в мировой цивилизации, с другой – тормозили (и тормозят) продвижение вперед.

По сути, трансформационный процесс в Латинской Америке развивался по спирали, на каждом новом витке которой происходила альтерация модернизационных парадигм: на смену государствоцентричной матрице приходила неолиберальная модель роста и наоборот. На первый взгляд вырисовывается некая «классическая» схема, в которой носителями стратегии дирижиз-

ма выступали националистические режимы популистского толка, а рыночные реформы продвигали авторитарные диктатуры или лидеры, придерживающиеся либеральных взглядов. Однако эта схема излишне прямолинейна и, как все схемы, не отражает всего многообразия латиноамериканского трансформационного процесса. Жизнь неминуемо вносила и вносит коррективы, нарушая чистоту эксперимента.

Так, можно заметить, что попытки политической модернизации не всегда коррелируют со сменой экономической парадигмы. Неолиберальные реформы проводили и военные диктаторы, и популисты. И те и другие с переменным успехом эксплуатировали государствоцентричную матрицу, но задачи системной трансформации с прицелом на устойчивое инклюзивное развитие оставались нерешенными при любых формах управления. Причем нельзя забывать, что большинству популистских режимов, приходивших к власти на волне недовольства результатами неолиберальных реформ, удавалось поначалу воспользоваться отдельными плодами рыночных преобразований, дополняя их дирижистскими ингредиентами, но впоследствии терпеть фиаско из-за неспособности выдвинуть целостную и жизнеспособную модернизационную альтернативу. Ситуация загонялась в стратегический тупик, выход из которого латиноамериканские правящие элиты вновь искали в русле рыночных реформ.

В нынешней неординарно сложной и противоречивой региональной ситуации крайне полезен скрупулезный анализ исторической траектории трансформационного развития Латинской Америки. Современные социально-экономические и политические императивы властно диктуют необходимость отказаться от не оправдавшего себя принципа «отрицания отрица-

ния» и перейти к выработке принципиально новой модели роста с учетом неоднозначного опыта прошлых лет.

Что ждет регион в ближайшей перспективе? Просматриваются три возможных сценария. Первый, инерционный – вялое развитие без решения стратегических модернизационных задач, сопровождающееся углублением отставания от наиболее развитых государств мира и закреплением периферийности региона со всеми вытекающими последствиями.

Второй, традиционный – предсказуемый переход на очередной виток спирали, где хорошо знакомые популистские рецепты будут поданы под еще более острым политическим соусом в одних странах, а неолиберальные реформы «третьего поколения» опробованы в других.

И наконец, третий, оптимистический – отказ от спиралевидной модернизации, проведение давно назревших структурных и институциональных реформ (главное – преодоление неформальных институтов, способных похоронить любое полезное начинание) и выход на принципиально иную модель роста, которая откроет региону качественно новые политико-экономические горизонты.

Впрочем, Латинская Америка настолько разнообразна и многолика, что вполне может вместить в себя все сценарии будущих трансформаций.

Список литературы

Давыдов В.М. (2003) Эффект адаптационного реформирования: от Латинской Америки к России. М.: ИЛА РАН.

Ивановский З.В. (1) (2019) Латинская Америка в новом тысячелетии. Социальная панорама и динамика политических процессов // Ла-

тинская Америка. № 7. С. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3

Ивановский З.В. (2) (2019) Политическая поляризация в Латинской Америке. Итоги электорального цикла // Свободная мысль. № 1. С. 149–168 // <http://svom.info/entry/903-politicheskaya-polyarizaciya-itogi-elektoralnogo-c/>, дата обращения 31.10.2019.

Окунева Л.С. (1992) На путях модернизации: опыт Бразилии для России. М.: ИЛА РАН.

Строганов А.И. (2002) Латинская Америка в XX веке. М.: Дрофа.

Сударев В.П. (ред.) (2007) «Левый поворот» в Латинской Америке. М.: ИЛА РАН.

Чумакова М.Л. (ред.) (2009) Латинская Америка: Испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2 томах. М.: ИЛА РАН.

Яковлев П.П. (2010) Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М.: Прогресс-Традиция.

Яковлев П.П. (1) (2015) Государство и общество в Латинской Америке: история и современность // Перспективы. № 3. С. 63–82 // http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/gosudarstvo_i-obshhestvo_v_latinskoj_amerike_istorija_i_sovremennost_2014-02-28.htm, дата обращения 31.10.2019.

Яковлев П.П. (2) (2015) Латинская Америка на мировой геополитической карте // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». № 4(15). С. 20–28 // <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10493/9944>, дата обращения 31.10.2019.

Яковлев П.П. (3) (2015) Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений // Латинская Америка. № 8. С. 7–22 // <https://cyberleninka.ru/article/v/latinskaya-amerika-na-mirovoy-geopoliticheskoy-karte>, дата обращения 31.10.2019.

Яковлев П.П. (2016) Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности // Латинская Америка. № 5. С. 12–29 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26283516_74935738.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Яковлев П.П. (2017) Антиинфляционная направленность политики стабилизации в Аргентине // Кузнецов А.В. (ред.) Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов М.: ИМЭМО РАН. С. 260–273.

Яковлева Н.М. (2011) Это сладкое и страшное слово – популизм // Латинская Америка. № 10. С. 98–103 // https://elibrary.ru/download/elibrary_16897755_95386788.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Яковлева Н.М. (2016) Время и бремя популизма // Латинская Америка. № 2. С. 90–97 // https://elibrary.ru/download/elibrary_27538391_25980660.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Яковлева Н.М. (1) (2018) Латинская Америка: президентская власть и оппозиция // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 3(11). С. 166–184. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3

Яковлева Н.М. (2) (2018) Электоральный суперцикл в Латинской Америке: политические тренды // Перспективы. № 1. С. 69–80. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-1-69-80

Alcaide L. (2014) Fiscalidad en América Latina // *Economía Exterior*. Madrid, no 70, pp. 7–18.

América Latina y el Caribe es la Región Más Desigual del Mundo (2016). ¿Cómo Solucionarlo? 25 de enero de 2016 // <http://www.cepal.org/es/print/35842>, дата обращения 31.10.2019.

Armony V. (2005) Populism and Neo-populism in Latin America // <http://www.cccg.umontreal.ca/pdf/armony%20udm%202005.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

Cavarozzi M. (1996) *El Capitalismo Político Tardío y su Crisis en América Latina*, Rosario: Homo Sapiens Ediciones.

Cavarozzi M. (2009) *Autoritarismo y Democracia (1955–2009)*, Buenos Aires: Ariel.

CEPAL (2015). *Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe*, Santiago: Naciones Unidas.

El Nuevo Populismo de América Latina, un Movimiento Más Vivo que Nunca (2017). *Informe Especial*. Llorente & Cuenca. Septiembre 2017, Madrid // https://ideas.llorenteycuenca.com/wp-content/uploads/sites/5/2017/09/170913_Informe_Populismo_ESP_OK.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Gratius S. (2007) La “Tercera ola Populista” de América Latina // FRIDE. Documentos de Trabajo 45, Madrid // https://www.academia.edu/16472791/La_tercera_ola_populista_de_Am%C3%A9rica_Latina, дата обращения 31.10.2019.

Gratius S., Rivero A. (2018) Más Allá de la Izquierda y la Derecha: Populismo en Europa y América Latina // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, no 119, pp. 35–61. DOI: 10.24241/rcai.2018.119.2.35

Kuczynski P.P., Williamson J. (eds.) (2003) *After the Washington Consensus:*

Restarting Growth and Reform in Latin America, Washington: Institute for International Economics.

Malamud C. (2010) *Populismos Latinoamericanos. Los Tópicos de Ayer, de Hoy y de Siempre*, Oviedo: Ediciones Nobel.

Núñez Castellano R. (2017) Un Nuevo Tiempo Político en América Latina // *Esglobal*, September 20, 2017 // <https://www.esglobal.org/nuevo-tiempo-politico-america-latina/>, дата обращения 31.10.2019.

Rogers J.R. (2016) How Do You Solve Crony Capitalism? // *Law&Liberty*, November 21, 2016 // <https://www.lawliberty.org/2016/11/21/how-do-you-solve-crony-capitalism/>, дата обращения 31.10.2019.

Ugaz: la Corrupción en Latinoamérica es “Endémica” (2018) // *EFE*, March 15, 2018 // <https://www.efecom/efe/america/politica/ugaz-la-corrupcion-en-latino-america-es-endemica/20000035-3553828>, дата обращения 31.10.2019.

Valenzuela M. (2009) *El Enfoque Teórico Conceptual de los Populismos en América Latina* // *Revista Estudios Avanzados*. Santiago de Chile, no 12, pp. 105–123 // <http://www.revistas.usach.cl/ojs/index.php/ideas/article/view/121/123>, дата обращения 31.10.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-228-244

Trajectory and Key Factors of the Transformation Process in Latin America

Nailya M. YAKOVLEVA

PhD in History, Leading Researcher, Center for Political Studies
Institute of the Latin America of Russian Academy of Sciences, 110035, B. Ordynka St.,
21/16, Moscow, Russian Federation
E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1707-6901

Petr P. YAKOVLEV

Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Iberian Studies
Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences, 110035, B. Ordynka St.,
21/16, Moscow, Russian Federation;
Professor
Plekhanov Russian University of Economics, 117997, Stremyanny Lane, 36, Moscow,
Russian Federation
E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

CITATION: Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2019) Trajectory and Key Factors of the Transformation Process in Latin America. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 228–244 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-228-244

Received: 22.08.2019.

ABSTRACT. *The aim of the work was to trace the trajectory and to identify key factors of social transformations in Latin America. Among the main tasks included analysis of major political and socio-economic processes underway in the region in the 20th-21st centuries. In the article the historical growth model, showing the conditions under which they become the obstacle on the way of development and modernization. The structure of the thesis reflects the tasks: the evolution of the role of the State in the politics and economy of the countries of the region reflects the stages of neoliberal reforms, listed three causes of populist waves are particularly modern period. The study*

authors found that transformational process in Latin America is extremely fragile. State-centered (populist) and market (neoliberal) modernization models succeeded each other in the logic of the “negation of the negation”, with fierce regularity course on building an open economy was substituted by dirigisme policies and vice versa. Because of this, reform cycles are short-lived, being replaced by other conversion politico-ideological content. Currently, the trajectory of public transformations came to new milestone: the region has accumulated considerable potential for change, but it is controversial, it reflects different motion vectors. Adequate assessment of the historical experience of

modernization is essential in the current difficult circumstances. The third decade of the 21st century can be a turning point in the economic and social development of Latin America. In case of implementation of the optimistic scenario, in these years will be drawn the contours of the future place of the region in world economic and political system; will rise its role in global affairs.

KEY WORDS: *Latin America, development trajectory, models of modernization, “lost decade”, globalization, neoliberal reforms, crisis, populism, a new growth strategy*

References

- Alcaide L. (2014) Fiscalidad en América Latina. *Economía Exterior*. Madrid, no 70, pp. 7–18.
- América Latina y el Caribe es la Región Más Desigual del Mundo* (2016). ¿Cómo Solucionarlo? 25 de enero de 2016. Available at: <http://www.cepal.org/es/print/35842>, accessed 31.10.2019.
- Armony V. (2005) *Populism and Neopopulism in Latin America*. Available at: <http://www.cccg.umontreal.ca/pdf/armony%20udm%202005.pdf>, accessed 31.10.2019.
- Cavarozzi M. (1996) *El Capitalismo Político Tardío y su Crisis en América Latina*, Rosario: Homo Sapiens Ediciones.
- Cavarozzi M. (2009) *Autoritarismo y Democracia (1955–2009)*, Buenos Aires: Ariel.
- CEPAL (2015). Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe, Santiago: Naciones Unidas.
- Chumakova M.L. (ed.) (2009) *Latin America: the Test of Democracy. Vectors of Political Modernization*. Vol. 1–2, Moscow: ILA RAS (in Russian).
- Davydov V.M. (2003) *The Effect of Adaptation Reform: from Latin America to Russia*, Moscow: ILA RAS (in Russian).
- El Nuevo Populismo de América Latina, un Movimiento Más Vivo que Nunca* (2017). Informe Especial. Llorente & Cuenca. Septiembre 2017, Madrid. Available at: https://ideas.llorenteycuenca.com/wp-content/uploads/sites/5/2017/09/170913_Informe_Populismo_ESP_OK.pdf, accessed 31.10.2019.
- Gratius S. (2007) La “Tercera ola Populista” de América Latina. *FRIDE*. Documentos de Trabajo 45, Madrid. Available at: https://www.academia.edu/16472791/La_tercera_ola_populista_de_Am%C3%A9rica_Latina, accessed 31.10.2019.
- Gratius S., Rivero A. (2018) Más Allá de la Izquierda y la Derecha: Populismo en Europa y América Latina. *Revista CIDOB d’Afers Internacionals*, no 119, pp. 35–61. DOI: 10.24241/rcai.2018.119.2.35
- Iwanowski Z. (1) (2019) Latin America. Results of the New Millennium. Social Panorama and Dynamics of Political Processes. *Latinska-ya Amerika*, no 7, pp. 30–39 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3
- Iwanowski Z. (2) (2019) Political Polarization in Latin America. Results of the Electoral Cycle. *Svobodnaya mysl’*, no 1, pp. 149–168. Available at: <http://svom.info/entry/903-politicheskaya-polyarizaciya-itogi-elektoralnogo-c/>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Kuczynski P.P., Williamson J. (eds.) (2003) *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America*, Washington: Institute for International Economics.
- Malamud C. (2010) *Populismos Latinoamericanos. Los Tópicos de Ayer, de Hoy y de Siempre*, Oviedo: Ediciones Nobel.
- Núñez Castellano R. (2017) Un Nuevo Tiempo Político en América Latina. *Esglobal*, September 20, 2017. Available at: <https://www.esglobal.org/nuevo-tiempo-politico-america-latina/>, accessed 31.10.2019.
- Okuneva L.S. (1992) *On the Way of Modernization: Brazil’s Experience for Russia*, Moscow: ILA RAS (in Russian).

Rogers J.R. (2016) How Do You Solve Crony Capitalism? *Law&Liberty*, November 21, 2016. Available at: <https://www.lawliberty.org/2016/11/21/how-do-you-solve-crony-capitalism/>, accessed 31.10.2019.

Stroganov A.I. (2002) *Latin America in the XX Century*, Moscow: Drofa (in Russian).

Sudrev V.P. (ed.) (2007) *Latin America's Left Turn*, Moscow: ILA RAS (in Russian).

Ugaz: la Corrupción en Latinoamérica es "Endémica" (2018). *EFE*, March 15, 2018. Available at: <https://www.efc.com/efe/america/politica/ugaz-la-corrupcion-en-latino-america-es-endemica/20000035-3553828>, accessed 31.10.2019.

Valenzuela M. (2009) El Enfoque Teórico Conceptual de los Populismos en América Latina. *Revista Estudios Avanzados*. Santiago de Chile, no 12, pp. 105–123. Available at: <http://www.revistas.usach.cl/ojs/index.php/ideas/article/view/121/123>, accessed 31.10.2019.

Yakovlev P.P. (2010) *Before Call Time. Cycles of Modernization and Crises in Argentina*, Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Yakovlev P.P. (1) (2015) State and Society in Latin America: Then and Now. *Perspektivy*, no 3, pp. 63–82. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/gosudarstvo_i_obshchestvo_v_latinskoj_amerike_istoriya_i_sovremennost_2014-02-28.htm, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2) (2015) Latin American Role in International Geopolitics. *Vestnik RUDN. International Relations*, no 4(15), pp. 20–28. Available at: <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10493/9944>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (3) (2015) Latin America at the Turn of Trends. Experience of Understanding New Phenomenal. *Latinskaya Amerika*, no 8, pp. 7–22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/latinskaya-amerika-na-mirovoy-geopoliticheskoy-karte>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2016) Latin America in the Conditions of Global Instability. *Latinskaya Amerika*, no 5, pp. 12–29. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26283516_74935738.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2017) Anti-inflation Focus of Stabilization Policies in Argentina. *Regulation of Inflation in Terms of Socio-economic Imbalances* (ed. Kuznetsov A.V.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 260–273 (in Russian).

Yakovleva N.M. (2011) This Is a Sweet and Terrible Word – Populism. *Latinskaya Amerika*, no 10, pp. 98–103. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16897755_95386788.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovleva N.M. (2016) Time and Burden of Populism. *Latinskaya Amerika*, no 2, pp. 90–97. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27538391_25980660.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovleva N.M. (1) (2018) Latin America: Presidential Power and Opposition. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no 3(11), pp. 166–184 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3

Yakovleva N.M. (2) (2018) Super Cycle of Elections in Latin America: Political Trends. *Perspektivy*, no 1, pp. 69–80 (in Russian). DOI: 10.32726/2411-3417-2018-1-69-80